

О ЛИЧНОСТНЫХ ПРЕДИКТОРАХ УСТОЙЧИВОСТИ К ДЕСТРУКТИВНОМУ ЦИФРОВОМУ КОНТЕНТУ

**Хашенко Т.Г., доктор психологических наук, доцент,
тел.: 88422559525, roleta2011@yandex.ru
ФГБОУ ВО Ульяновский ГАУ**

Ключевые слова: *цифровое пространство, цифровое поведение, деструктивный контент, психологическая устойчивость, личностные предикторы.*

В статье приводятся частичные результаты теоретического исследования современного состояния проблемы личностного фундамента устойчивости человека к воздействию деструктивного цифрового контента и описываются некоторые исследовательские лакуны (на основе анализа отечественных и зарубежных источников). Отмечается фрагментарность и противоречивость имеющихся данных о личностных коррелятах психологической устойчивости к деструктивным факторам цифровой среды и приводятся эмпирически верифицированные данные.

Введение. Вопрос о личностных предикторах устойчивости человека к информационным «вредностям» актуализировался в связи с запросом образовательной, психологической и в целом социальной практики на научно обоснованный инструментарий для измерения и формирования (развития, коррекции) этой личностной особенности. Противоречие между потребностью практики в научных данных, позволяющих прогнозировать индивидуальную реакцию человека на деструктивный контент, разрабатывать психодиагностический и психолого-технологический инструментарий для измерения и формирования личностной устойчивости к информационным «вредностям» цифровой среды, с одной стороны, и недостаточной изученностью обсуждаемого феномена, с другой стороны, определяет необходимость интенсификации исследований личностного фундамента устойчивости человека к деструктивному цифровому

контенту (совокупности индивидуально-психологических особенностей личности, способствующих сохранности ее внутреннего мир и психологического благополучия, надежного функционирования всех подсистем ее психики в деструктивной информационной среде). В данной публикации представлен частичный результат теоретического анализа релевантных научных источников с целью сопоставления, обобщения и концептуализации имеющихся данных, а также – выявления исследовательских лакун.

Материалы и методы. Исследование носит теоретический характер, включая теоретический анализ, систематизацию и концептуализацию данных, содержащихся в релевантных научных источниках. В публикации отражена небольшая часть его результатов.

Результаты и обсуждение. Анализ научных публикаций показывает, что несмотря на то, что цифровое поведение как психологический феномен относительно недавно стало предметом психологических исследований, за последние годы появилось большое число посвященных ему научных работ. При этом исследовательское внимание обращалось как на различные его личностные детерминанты (когнитивные, аффективные и ценностно-смысловые), так и на биологически обусловленные «генетические» его предикторы (в частности, установлена статистически значимая связь конструктивного/деструктивного цифрового поведения с носительством конкретных генов [8]). Значительный вклад в научное понимание психологической детерминации цифрового поведения внесли исследования индивидуально-психологических переменных интернет-девиаций (интернет-аддикций, думскроллинга, доксинга, груминга, виктимного цифрового поведения и т.п) [1, 2, 3, 5, 9]. Однако, при всей их научной ценности, эти данные не объясняют в полной мере, почему обычные люди без каких-либо интернет-девиаций поддаются или оказываются устойчивыми к деструктивному воздействию информации, вызывающему временное или устойчивое состояние субъективного неблагополучия и способствующему формированию побуждений к социально или саморазрушительной активности, в том числе к фейкам, вводящим в заблуждение, даже когда противоречат ранее сформированным убеждениям. Между тем, не решив проблемы индивидуальной психологической устойчивости к деструктивному

цифровому контенту, невозможно решить проблему психологической безопасности человека и социума в современном цифровом пространстве.

Исходя из трактовки личностной устойчивости к деструктивному информационному контенту как специфического проявления психологической устойчивости человека к вредным (опасным) факторам цифровой среды [4], можно выделить такие ее индикаторы как: способность к различению ложной и достоверной информации в цифровом пространстве; эмоциональная саморегуляция при встрече с агрессивно-эмоциональным, стрессогенным, контентом; рефлексия собственного реагирования на получаемую цифровую информацию, принятие ответственности и контроль собственного цифрового поведения; устойчивая внутренняя установка на верификацию контента; отсутствие интернет-девиаций. Вместе с тем, попытки выявить личностные корреляты этих особенностей цифрового поведения привели к появлению большого массива данных, характеризующихся разрозненностью, фрагментарностью и противоречивостью.

На данный момент можно говорить о непротиворечивом теоретическом и эмпирическом подтверждении связи психологической устойчивости личности к деструктивному цифровому контенту с отдельными чертами «большой пятёрки» («добросовестность», открытость новому опыту), с некоторыми особенностями когнитивной сферы (критичность мышления, когнитивный стиль, рефлексивность), с локусом контроля, с чертами «темной триады (отрицательная связь с нейротизмом, эмоциональностью и импульсивностью). Неоднозначность и противоречивость данных о других личностных переменных объясняется, вероятно, тем, что их связь с устойчивостью к деструктивному контенту нелинейна, опосредована их взаимовлиянием и имеет более сложный, недостаточно изученный характер.

Рассматриваем ли мы психологическую устойчивость ситуационно (как надежное функционирование «здесь и сейчас» психофизиологических систем человека, сохранность необходимого уровня и качества его психической деятельности и психологического благополучия при встрече с вредоносными факторами) или как

устойчивую, сформированную в течение жизни, личностную характеристику, проявление такой устойчивости в цифровой среде обеспечивается не отдельными индивидуально-психологическими особенностями личности, а их взаимодействием. Попытки объяснить устойчивость или неустойчивость человека к деструктивному воздействию информационно-цифровых факторов, игнорирующие это взаимодействие, дают неполную и противоречивую картину. Поэтому в научной среде признается необходимость изучения взаимодействия множественных мотивационных и когнитивных механизмов информационного поведения людей, взаимодействия их эмоциональных, саморегуляционных и поведенческих особенностей. Поскольку мотивационные механизмы изучены слабее, чем иные, например, когнитивные, интерес представляют концепции специфической мотивационной основы информационного поведения [6, 7], опирающиеся на теорию трехсторонней структуры мотивации. В одной из таких концепций описываются три мотивационных тенденции, определяющих информационное поведение: инструментальная, гедонистическая и познавательная. И, если две первых тенденции снижают устойчивость к деструктивной (в конкретном случае – фейковой) информации, то третья, выражаясь в стремлении к различению и установлению реального и воображаемого, правильного и неправильного, повышает эту устойчивость. Речь идет об устойчивом внутреннем побуждении личности к верификации встречаемого контента. Другие авторы описывают триаду, включающую мотив точности, мотив защиты и мотив «внешнего (социального) впечатления». Если мотив защиты связан с самоидентичностью и проявляется в желании придерживаться установок или убеждений, которые согласуются с уже сформированными ранее решениями и убеждениями, и выражается в стремлении так обрабатывать информацию, чтобы сохранить ранее полученные результаты самоопределения и внутренние концепции, то мотив внешнего (социального) впечатления проявляется в выражении установок и убеждений, соответствующих межличностным и социальным целям, и в использовании таких стратегий обработки информации, которые приводят к выводам, обеспечивающим общественное признание. Полагается, что эти мотивационные тенденции снижают устойчивость

к деструктивной информации. Третий из мотивов – «мотив точности» – проявляется в ориентации на более тщательную обработку информации даже тогда, когда она согласуется с имеющимися убеждениями. В обеих описанных концепциях в качестве личностного основания устойчивости к деструктивной информации рассматривается сформированное у личности устойчивое внутреннее побуждение к верификации любого контента даже в том случае, когда он согласуется с ранее сформированными ценностями и убеждениями. Однако убедительные теоретические обоснования связи выделенных мотивационных факторов с устойчивостью личности к деструктивному контенту предполагают эмпирическую верификацию. Требуется изучения взаимосвязь выделенных мотивационных факторов с другими индивидуально-психологическими и биологическими основаниями психологической устойчивости человека к вредоносной цифровой информации, включающей особые визуальные, слуховые, ритмические и иные элементы, воздействующими на психику.

В целом проведённый анализ приводит к выводу, что имеющихся данных недостаточно не только для поиска эффективных психолого-технологических решений формирования устойчивости личности к деструктивному контенту, но и для разработки валидного измерительного инструментария, необходимого для решения научных и образовательных задач. На сегодняшний день дефицит такого инструментария может быть преодолен двумя способами: либо при помощи сложного методического комплекса, включающего диагностические методики, измеряющие широкий спектр индивидуально-психологических коррелятов психологической устойчивости к цифровым «вредностям», либо путем разработки самостоятельной отдельной диагностической методики. Однако, и для того, и для другого пока недостаточно данных о совокупности индивидуально-психологических особенностей личности, взаимодействие которых обеспечивает сохранность ее внутреннего мира, её субъективного благополучия, уровня и качества психической деятельности в деструктивной цифровой среде.

Библиографический список:

1. Жукова Н. Взаимосвязь проблемного использования Интернета, индивидуально-психологических особенностей структуры темперамента и субъективного психологического благополучия у старших подростков // Психологические исследования, 2021. –14(80). – С.1049.
2. Максименко А.А., Дейнека О.С. Вакцина от инфодемии или психологическое состояние общества на фоне пандемии, вызванной COVID-19. Кострома: АНО «Центр социальных инициатив», 2024. – С. 92–110.
3. Орестова В.Р., Филиппова О.С. Различия психологических характеристик людей с проблемным и адаптивным использованием сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование». 2022. –№ 1. –С. 119–133.
4. Хащенко Т.Г. Новые вызовы и актуальные аспекты проблемы личностной устойчивости подростков к деструктивному информационному воздействию// Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки, 2022. – №2(15). – С. 85-93
5. Calaresi D. et al. Pathways from Family Functioning to Internet Gaming Disorder: The Mediating Role of the Dark Triad //Behavioral Sciences, 2024. – Т. 14. – №. 8. – С. 668.
6. Chaiken, S., Giner-Sorolla, R., and Chert, S. Beyond accuracy: defense and impression motives in heuristic and systematic information processing //The psychology of action: linking cognition and motivation to behavior. eds. P. M. Gollwitzer and J. A. Bargh (New York, NY: Guilford Press), 1996. – P. 553–578.
7. Cornwell, J. F. M. and Higgins, E. T. The tripartite motivational essence of man: Value, Control and Truth working together // Oxford Handbook of the Essence of Man, edited by M. van Someren and J. F. Dovidio (New York, NY: Oxford University Press), 2018. – P. 71-81.
8. Denisova E. et al. Psychological and genetic characteristics and strategies of students' digital behavior in the context of the formation of the digital ecosystem //BIO Web of Conferences. – EDP Sciences, 2024. – Т. 84. – P. 04036
9. Foster S., Cross J. Dark doxxing: How Dark Triad traits impact

support for doxxing behaviors // Personality and Individual Differences, 2024. – T. 217. – P. 112432.

ON PERSONAL PREDICTORS OF RESISTANCE TO DESTRUCTIVE DIGITAL CONTENT

Khashchenko T.G.

Keywords: *digital space, digital behavior, destructive content, psychological stability, personal predictors.*

The article presents partial results of a theoretical study of the current state of the problem of the personal foundation of human resistance to the effects of destructive digital content and describes some research gaps (based on the analysis of domestic and foreign sources). The fragmentary nature and inconsistency of the available data on personal correlates of psychological resistance to destructive factors of the digital environment are noted and empirically verified data are presented.